

— Это возмездие! Справедливая кара за то, что вы потакали тирану!

«Возмездие?»

Цуй Люй лежал ничком на кровати в гостевых покоях лечебницы. Возле него бессменным часовым замер У Фан, его верный страж. Би Хэна рядом не было — он давно умчался по делам. Вся улица, на которой располагалась резиденция главы области, была оцеплена: случайных прохожих и зевак разогнали, а сотни стражников и бойцов из инспекторской свиты плотным кольцом сомкнулись вокруг этого проклятого места.

Би Хэн проявил смекалку: разбив свою свиту на малые группы, он сумел под разными предложениями переправить людей через реку.

Солнце медленно тонуло в закате. Последний багряный отблеск угасал на горизонте, уступая место серым сумеркам, что лишь добавляло гнетущей тяжести и без того натянутой до предела атмосфере. По приказу, не терпящему возражений, сотню крепких юношей выстроили живым кругом вокруг резиденции главы области. Им велели вскрыть вены на запястьях.

Тяжелый, приторно-металлический запах крови поплыл над площадью, проникая в ноздри оцепеневших людей. Ветер подхватил это густое марево, разнося тревогу и страх по угасающему небу.

Если бы не стражники с обнаженными клинками за спинами юношей, вряд ли кто-то добровольно пролил бы и каплю своей крови.

Никто не верил в так называемое «проклятие гу». Даже видя всеобщее напряжение, люди в толпе ворчали, называя происходящее вздорными россказнями. Янь Сю, хоть и был напуган, следовал за Цзи Байлин и Цю Саньдао с долей скепсиса. Обида на Би Хэна, который прилюдно лишил его лица и власти, жгла грудь. Он лишь ждал момента, когда вся эта паника окажется ложной тревогой, чтобы обвинить инспекторов в нарушении порядка и ограничить их свободу.

Старый лис хотел увидеть, какую ещё «чертовщину» они выкинут на его земле.

«Пока эта девка жива, она останется в моем доме и будет рожать мне наследников», — упрямо думал он.

Би Хэн же, помня наказ друга, не переставал требовать птиц. Он велел рассыпать зерно вдоль кровавых ручьев, чтобы приманить пернатых, но время неумолимо утекало. Птиц удалось собрать едва ли сотню — слишком мало. Цзи Байлин же, казалось, вовсе не беспокоилась. Она застывшим взглядом смотрела на окровавленную Ли Янь, мертвой хваткой сжимая свою бамбуковую флейту. Цю Саньдао неодобрительно косился на неё, вполголоса пытаясь в чем-то

убедить.

В памяти Би Хэна эхом отдавались последние слова Цуй Люя перед тем, как тот лишился чувств: «Если в Цзянчжоу не останется мужчин — море станет беззащитным, а каналы некому будет рыть. Брат мой, все твои водные проекты заглохнут без рабочих рук».

Всю свою жизнь Би Хэн посвятил одной цели — провести воду в засушливый Хэчжоу. Он вцепился в должность генерал-губернатора этой области, отказываясь от любых повышений, лишь бы однажды избавить земляков от вечной жажды. Цуй Люй знал, на что нажать: эта угроза ударила по самому больному.

Ради своей мечты Би Хэн был готов на всё.

— Госпожа Цзи, почему вы молчали о том, что гу в теле Ли Янь несут бесплодие?! — Би Хэн подскочил к ней, схватив за плечо. — Вы понимаете, что погубите целую область? Вы ставите под удар весь регион! Как вы могли скрыть такое?!

Он тряс её, сорвавшись на крик.

— У вас точно есть способ всё исправить! Мне плевать на ваши тайные замыслы, госпожа Цзи! Немедленно найдите средство, или я лично подам доклад императору, и вы поплатитесь головой!

Цзи Байлин уставилась на него круглыми, словно у совы, глазами. Её взгляд был ледяным, пробирающим до костей.

— Подумаешь, не будет мужчин... Человечество от этого не вымрет, господин Би. И не надо пугать меня государем. У меня есть указ Великого императора. Мне официально разрешено создать экспериментальную зону для работы Департамента по делам женщин. Если здесь и впрямь не останется наследников мужского пола, это станет идеальным местом, чтобы доказать: женщины способны держать на плечах половину неба!

Она вызывающе вскинула подбородок:

— Династии Данин уже несколько десятков лет, но только на Севере мы добились равенства. В столице же вельможи делают всё, чтобы вставлять нам палки в колеса. Если бы не императорская защита, эти старые коснецы давно бы сожгли нас как ведьм! О каком продвижении реформ может идти речь, если нам даже пропаганду вести не дают? Господин Би, мне просто нужно место, где я смогу показать свою силу.

Би Хэн оцепенел, но мгновение спустя ярость захлестнула его.

— Цзи Байлин! — вскричал он, притопнув ногой. — Во все времена новые законы приживались

с трудом, но ни один жестокий чиновник, творивший беззаконие ради реформ, не кончил добром! Ты хочешь продвигать новые идеи? Делай это просвещением, а не истреблением рода! Великий император дал тебе указ как опору в трудную минуту, чтобы люди знали: он верит в твоё дело. А не для того, чтобы ты творила зверства, не считаясь с жизнями!

Он тяжело перевел дух.

— На Севере равенство прижилось, потому что у Великого императора была абсолютная власть и непререкаемый авторитет. В столице же полно знатных кланов, им нужно время, чтобы привыкнуть! Ты не можешь просто вломиться в дом и объявить, что теперь их женщины свободны. Ты хоть спрашивала затворниц в их покоях, хотят ли они выходить в мир и работать наравне с мужчинами? Ты изначально выбрала неверный путь!

Би Хэн видел её насквозь. Она метила в знатные дома, надеясь императорским указом заставить аристократок выйти из тени. Она хотела использовать каждую убежденную госпожу как ступеньку к собственной славе, чтобы великие кланы заискивали перед ней. Она мечтала вписать своё имя в историю как «первый человек, утвердивший женские домохозяйства», попирая судьбы высокородных дев.

Время уходило. Палочка благовоний почти догорела. Би Хэн посмотрел на Цзи Байлин с горьким презрением.

— Я приглашал тебя в Хэчжоу. Там все, и мужчины, и женщины, трудятся вместе ради общего блага. Там девушки сами тянутся к труду и равенству. Там твои идеи нашли бы благодатную почву. И что ты мне ответила?

«Зачем мне беднячки? Им и так деваться некуда, нужда сама выгонит их на работу. В Хэчжоу нравы грубые, там бабы с мужиками на кулаках бьются, там достаточно просто канцелярию открыть». Ты направила все силы на тех, кто и так сыт и одет. Ты в своем уме?! Разве Великий император не писал в уставе, что всё должно быть по доброй воле? Ты что, эти страницы пропустила?!

Би Хэн видел: все её хлопоты последних лет были впустую именно из-за этой фанатичной слепоты.

Цю Саньдао подошел и накрыл ладонью флейту в руках Цзи Байлин.

— Байлин, остановись, — глухо произнес он. — Если с Ли Янь что-то случится, Великий император лично явится за ответом. Подумай: сможет ли твой клан выдержать его гнев?

Глаза Цзи Байлин покраснели. Она посмотрела на Ли Янь, которая уже билась в конвульсиях на земле. Под ней растекалась лужа крови, в которой что-то шевелилось — верный признак того, что после взрыва гу начали откладывать личинки.

Би Хэн в ужасе прикрыл лицо рукавом и попятился.

— Цзи Байлин! — закричал он. — Клянусь, я доживу до того дня, когда Великий император отберет у тебя указ! Твой род станет проклятием для всего Цзянчжоу, для всей империи Данин!

Превращение произошло мгновенно. Вокруг тела Ли Янь возникло облако прозрачных мотыльков, крохотных, как кончик иглы. Пока они были роем, их ещё можно было заметить, но стоило им разлететься — и они стали невидимы для глаза. Стена крови, державшая их поначалу, не смогла сдержать этот «живой туман». Юноши, увидев это жуткое марево, в панике бросились врассыпную, и последняя преграда рухнула.

Би Хэн в изнеможении опустился на землю у стены, закрыв лицо руками.

— Всё кончено... Всё пропало. Цзянчжоу конец. И мне конец, когда Цуй Люй очнется.

Он знал характер друга: тот наверняка вернется в клан и выкатит те самые фамильные арбалеты «Божественного механизма», чтобы лишить жизни всех виновных. Сто лет клан Цуй из Болина прятался в своей глуши ради сохранения крови — и вот, в один миг корень их рода подрублен. Не только Цуй Люй — все знатные кланы Цзянчжоу потребуют ответа от трона ценой своих жизней.

Цзянчжоу пал.

***

Цуй Люй в это время словно блуждал в плотном тумане. Он метался, пытаясь найти выход, а в голову со всех сторон ввинчивались чужие голоса. Он был в ярости. Особенно когда в мозгу, как заезженная пластинка, зазвучало это слово: «возмездие». Гнев переполнил его, и он, наконец, вытолкнул из горла хриплый крик:

— Чушь собачья!

Туман перед глазами внезапно рассеялся. То, что в его прежних видениях казалось странным и непонятным, теперь развернулось перед ним четкой картиной, кадр за кадром.

Да, он вспомнил. В том странном «будущем» было место, называемое «форумом». Тогда он лишь мельком взглянул на него, не понимая, откуда берутся эти строки сообщений, и счел это непостижимой магией. Теперь же он знал: за каждой строчкой стоял человек. Технологии того времени были сродни божественному искусству.

Сейчас перед его внутренним взором всплывали те самые «комментарии», которые он некогда запечатлел в памяти.

[Тема: Император Данин Чунью прожил сто двадцать лет, но есть гипотеза, что он мог прожить и все триста. Мог ли он инсценировать смерть, чтобы уйти в море или стать отшельником? И действительно ли он уничтожил Гу-короля на глазах у всех, или это был обман?]

[Пользователь 1: Скажу не по теме: если бы искусство гу из Цзиннаня не было уничтожено, возможно, мы все жили бы по сто лет и оставались вечно молодыми?]

[Пользователь 5: Проснись. На такое способен только Гу-король, а его выращивают раз в шестьдесят лет, и то — если повезет. Фармацевты Цзиннаня до сих пор не смогли оживить ни одного. Говорят, ту, что уничтожил Чунью, была «Матерью всех гу» — он специально сделал так, чтобы это искусство больше никогда не возродилось.]

[Пользователь 13: По мне, так всё началось с того случая в «Царстве женщин» Цзянчжоу. Исследователи говорят, что девушка, взорвавшая свою гу в Цзянчжоу, была избранной преемницей Гу-короля. Учителем императора Чунью был Левый посланник клана колдунов из Цзиннаня, а Ли Янь была Святой девой, которую тот сам выбрал для него.]

[Пользователь 18: Поддержу. Чунью тогда отрекся от престола и отправился в странствия, оставив Святую деву на попечение клана У на Севере. Клан У — родичи императора Сюаньхэ, он им полностью доверял. Кто же знал, что кто-то позарится на личинку Гу-короля в её теле? Попытка кражи и вызвала катастрофу в Цзянчжоу.]

[Пользователь 26: Добавлю: император оставил её на Севере не потому, что хотел снять с себя ответственность. Он хотел, чтобы северные нравы повлияли на неё, чтобы она избавилась от догм своих старейшин. Вернувшись в клан, она могла бы изменить культуру всех женщин Цзиннаня. Замысел был прекрасен, но он не учел человеческую жадность.]

[Пользователь 35: В официальной истории нет подробностей гибели клана Цзи, но мы предполагаем, что виной всему — смерть Святой девы. Чунью был милосерден, он почти не казнил своих сановников. Клан Цзи — одно из немногих исключений.]

[Пользователь 41: Тот, кто пытался украсть гу, был просто идиотом. Неужели она думала, что её тело выдержит личинку Гу-короля? Думала, что станет вечно молодой и здоровой, как император? Ха! В итоге личинка высосала из неё все соки, и она состарилась на пятьдесят лет за одну ночь. Вот уж воистину — сама себя сжила со свету!]

[Пользователь 43: Ли Янь жалко. Столкнулась с завистливой дурой, которая не могла принять личинку, но и не отдавала её. А ведь если бы личинка Гу-короля осталась у Ли Янь, та могла бы выжить даже после взрыва. Осталась бы слабоумной, но живой.]

[Пользователь 46: А «Царство женщин» в Цзянчжоу никто не хочет обсудить? Черт, вот кто пострадал сильнее всех!]

[Пользователь 50: А кого винить? Сами виноваты, что не верили. Сидели за своими горами,

отгородившись от новостей. Весь Данин знал, на что способны ведьмы Цзиннаня, а они считали это шутками.]

[Пользователь 55: Верили они или нет — уже не важно. Тридцать лет без мальчиков. Через пятнадцать лет последствия стали катастрофическими.]

[Пользователь 60: Больше всех должны были негодовать сами женщины Цзянчжоу. Им твердили о «освобождении», не давая времени привыкнуть. В первые десять лет после катастрофы они и слушать не хотели Департамент по делам женщин — мужчины в семьях их не пускали. А когда мужчины начали вымирать, женщин насильно выгнали на работу. Весь вековой уклад рухнул в один миг. Сколько девушек не выдержали этой «свободы» и бросились в реку? Кто-нибудь думал об их душевном состоянии?!]

[Пользователь 79: Ты еще не всё сказал. Морская оборона Цзянчжоу: за пятнадцать лет — ни одного нового рекрута. Старые солдаты дряхлели, и пираты Дунсана просто прорвали береговую линию. Был период, когда обороны просто не существовало. Сколько добра и сколько женщин вывезли эти иноземцы?! В итоге пришлось гнать на корабли необученных женщин. Морскую границу закидывали телами.]

[Пользователь 88: И про соль забыли. Цзянчжоу — соляной край. Без мужчин на промыслах работать стало некому, в итоге на солончаки выгнали женщин. Работа в разъедающей рассоле под палящим солнцем — каждая крупинка соли там на крови и слезах.]

[Пользователь 99: Физическая боль — это еще не всё. Подумайте о моральном унижении. Весь Данин считал женщин из Цзянчжоу проклятыми. Никто не хотел брать их в жены из других областей. В итоге дошло до того, что девушки из благородных семей были вынуждены ехать в богатые края, притворяться куртизанками и «заимствовать семья», скрывая свое происхождение. Эти десятилетия позора не вошли в хроники, но остались в апокрифах. Одно воспоминание об этом заставляет желать, чтобы ту воровку гу выкопали и четвертовали снова.]

[Пользователь 110: Винить надо за то, что женщины Цзянчжоу слишком долго были в оковах традиций. Они могли бы сразу взять власть в свои руки. Раз мужчин нет — женщины должны решать всё! У кого право на рождение детей — у того и голос!]

[Пользователь 122: Значит, гу-катастрофа длилась слишком мало. Надо было лет сто, чтобы окончательно истребить мужской пол. А за тридцать лет старики еще были живы. Женщины пытались бунтовать, но разве они могли тягаться с этими старыми лисами, безумевшими от страха за свой род? Те всё равно их в кулаке держали.]

[Пользователь 123: Согласен. Тогда двор продвигал идеи независимости, создал Департамент. Но случай в Цзянчжоу вызвал обратную реакцию у всех стариков империи. Вместо женских школ женщинам надели еще более тяжелые цепи. В тот период женщинам Цзянчжоу жилось хуже некуда — феодальные оковы затянулись еще на десятки лет.]

[Пользователь 200: Теперь понятно, почему император Чунью пошел на разрыв с Цзиннанем и

уничтожил Гу-короля. Тридцать лет упадка целой области, уничтоженная морская оборона, тысячи погибших на промыслах и от рук пиратов — и всё из-за этой гу.]

[Пользователь 210: Верно. Двор хотел прибрать Цзянчжоу к рукам постепенно, из-за их флота и соляных копий. Император Сюаньхэ тайно тренировал моряков на Севере, надеясь получить корабли. А из-за катастрофы необученным матросам пришлось сразу столкнуться с пиратами. Весь морской флот империи чуть не погиб. Тридцать лет мы кормили этот чертов остров Дунсан. Как вспомню — злость берет.]

[Пользователь 222: Император Чунъю был велик. Пожертвовал шансом на бессмертие, чтобы убрать эту угрозу. Видимо, боялся, что и в будущем кто-то решит устроить геноцид по половому признаку. Великая жертва.]

[Пользователь 243: Если рассуждать здраво: в идее независимости женщин нет ничего плохого. Но нельзя бросать человека в холодную воду без подготовки. Это как если бы кто-то долго сидел взаперти, а вы бы вырвали дверь, когда он еще не оделся и не обулся. Нужно сначала дать образование, научить социальным навыкам, а потом открывать дверь, чтобы женщина сама выбрала путь. А не тащить её силой под прицел чужих взглядов. Для тех, кто привык к покоям, это страшнее смерти.]

[Пользователь 260: Вы забыли про инцест и попрание этики. Старики, обезумев, заставляли женщин рожать от выживших старших родственников... Так что кровавая баня, которую устроил император среди местных феодалов и виновников — это вовсе не жестокость. Это справедливость. Все они заслуживали смерти!]

***

Цуй Люй вздрогнул и распахнул глаза. У Фан тут же склонился над ним:

— Господин, как вы себя чувствуете?

— Который час? Би Хэн сделал то, что я велел?

У Фан замялся:

— Сделал, но... птиц слишком мало. Кровавая стена не удержала рой. Многие... многие улетели.

Цуй Люй схватил У Фана за руку, его голос прерывался:

— Позови Би Хэна. Быстро. Сделай так, чтобы Цзи Байлин не видела.

Есть способ. Есть способ всё исправить — иначе эти строки не врезались бы в его память так отчетливо.

Цуй Люй прикрыл глаза. Теперь он понял одну вещь, которая мучила его в видениях: почему его старшая внучка, достигнув брачного возраста, так и не вышла замуж?

В тех видениях по городу ходили слухи о странной болезни мужчин, но никто не говорил правды. В Хуйцюе он не знал ничего, кроме того, что мужчины вдруг бросились жениться, но безуспешно, а потом пошли массовые разводы. В том хаосе истина затерялась, но теперь он был уверен: новости о проклятии гу скрывали до последнего.

Би Хэн вбежал в комнату, за ним следовал его телохранитель. Цуй Люй, не тратя времени на приветствия, приподнялся и схватил друга за рукав:

— Прикажи своим людям схватить Цзи Байлин. Тело Ли Янь нужно сохранить — пока она дышит, она не умрет. Би Хэн, слушай меня: отдай мне Цзи Байлин. Я выбью из неё то, что она украла у Ли Янь.

Ему было плевать на «работу департамента» и «права женщин». Он знал одно: Цзянчжоу не должен превратиться в «Царство женщин». Не потому, что он был мужчиной, а потому, что бросать женщину в горнило борьбы за выживание без подготовки — это преступление против человечности и морали. И если пробуждение женской независимости можно избавить от кровавого крещения — это его долг как главы рода, как отца и деда.

Перед мысленным взором Цуй Люя пронеслись образы тех девушек из будущего — уверенных, образованных, сияющих в лучах своей свободы. Он снова с горечью подумал о своих внучках: они родились не в то время. Тот многогранный мир им никогда не увидать.

Путь к свободе даже при таком мудром лидере, как Великий император, был полон преград. В нынешнем Цзянчжоу нет почвы для таких идей. А Цзи Байлин с самого начала не думала о благе.

Цуй Люй видел её насквозь: она полагала, что, истребив мужчин Цзянчжоу, она поможет двору захватить власть над областью. Думала, что император простит ей это злодеяние ради выгоды. Она не предвидела тех трагедий, что обрушатся на тысячи простых людей — и особенно на женщин.

Конфискация имущества рода обычно не касалась замужних дочерей. Цуй Люй знал: если его семье суждено пасть, он выдаст всех девушек замуж заранее, а не позволит им погибнуть вместе с кланом, как в его кошмарах.

Если так, то Цзи Байлин — враг его рода номер один.

Если бы не жизнь Ли Янь и надежда на спасение, он бы с удовольствием посмотрел, как личинка гу высосет жизнь из этой фанатички, превратив её в дряхлую старуху за одну ночь.

Она наверняка сойдет с ума от ужаса.

<http://bllate.org/book/16118/1586003>